

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskyyvladimir.ru/> Приятного чтения!

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский

ТЕТРАПТИХ

Вашу мысль
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.
У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огрómив мощью голоса,
иду – красивый,
двадцатидвухлетний.
Нежные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложит грубый.
А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!
Приходите учиться –
из гостинной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.
И которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.
Хотите –
буду от мяса бешеный
– и, как небо, меняя тона –
хотите –
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а – облако в штанах!
Не верю, что есть цветочная Ницца!
Мною опять славословятся
мужчины, залежанные, как больница,
и женщины, истрепанные, как пословица.

1

Вы думаете, это бредит малярия?
Это было,
было в Одессе.
«Приду в четыре», – сказала Мария.
Восемь.
Девять.
Десять.
Вот и вечер
в ночную жуть
ушел от окон,
хмурый,
декабрьский.
В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.
Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!
Ведь для себя не важно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце – холодной железкою.
Ночью хочется звон свой
спрятать в мягкое,
в женское.
И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

Какая –
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.
Еще и еще,
уткнувшись дождю
лицом в его лицо рябое,
жду,
обрызганный громом городского прибоя.
Полночь, с ножом мечась,
догнала,
зарезала, –
вон его!
Упал двенадцатый час,
как с плахи голова казненного.
В стеклах дождевки серые
свылись,
гримасу громадили,
как будто воют химеры
Собора Парижской Богоматери.
Проклятая!
Что же, и этого не хватит?
Скоро криком издерется рот.
Слышу:
тихо,
как больной с кровати,
спрыгнул нерв.
И вот, –
сначала прошелся
едва-едва,
потом забегал,
взволнованный,
четкий.
Теперь и он и новые два
мечутся отчаянной чечеткой.
Рухнула штукатурка в нижнем этаже.
Нервы –
большие,
маленькие,
многие! –
скачут бешеные,
и уже
у нервов подкашиваются ноги!
А ночь по комнате тинится и тинится, –
из тины не вытянуться отяжелевшему глазу.
Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на зуб.
Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете –
я выхожу замуж».
Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите – спокоен как!
Как пульс
покойника.
Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
страсть», –
а я одно видел:
вы – Джиоконда,
которую надо украсть!
И украли.
Опять влюбленный выйду в игры,
огнем озаряя бровей загиб.
Что же!
И в доме, который выгорел,
иногда живут бездомные бродяги!
Дразните?
«Меньше, чем у нищего копеек,
у вас изумрудов безумий».
Помните!
Погибла Помпея,
когда раздразили Везувий!
Эй!
Господа!
Любители
святотатств,
преступлений,
боен, –
а самое страшное
видели –
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоен?
И чувствую –
«я»
для меня малó.
Кто-то из меня вырывается упрямо.
Алло!
Кто говорит?
Мама?
Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца.
Скажите сестрам, Люде и Оле, –
ему уже некуда деться.
Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.
Люди нюхают –
запахло жареным!
Нагнали каких-то.
Блестящие!
В касках!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарным:
на сердце горячее лезут в ласках.
Я сам.
Глаза наслезнённые бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!
На лице обгорающем
из трещины губ
обугленный поцелуишко броситься вырос.
Мама!
Петь не могу.
У церковки сердца занимается клирос!
Обгорелые фигурки слов и чисел
из черепа,

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
как дети из горящего здания.

Так страх
схватиться за небо
высил
горящие руки «Лузитании».
Трясущимся людям
в квартирное тихо
стоглазое зарево рвется с пристани.
Крик последний, –
ты хоть
о том, что горю, в столетия выстони!

2
Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
ставлю «nihił»[1].
Никогда
ничего не хочу читать.
Книги?
Что книги!
Я раньше думал –
книги делаются так:
пришел поэт,
легко разжал уста,
и сразу запел вдохновенный проstack –
пожалуйста!
А оказывается –
прежде чем начнет петься,
долго ходят, размозолев от брожения,
и тихо барахтаются в тине сердца
глупая вобла воображения.
Пока выкипячивают, рифмами пиликаая,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится безъязыкая –
ей нечем кричать и разговаривать.
Городов вавилонские башни,
возгордясь, возносим снова,
а бог
города на пашни
рушит,
мешая слово.
Улица мўку молча пёрла.
Крик торчком стоял из глотки.
Топорщились, застрявшие поперек горла,
пухлые taxı[2] и костлявые пролетки.
Грудь испешеходили.
Чахотки плоче.
Город дорогу мраком запер.
И когда –
все-таки! –
выхаркнула давку на площадь,
спихнув наступившую на горло паперть,
думалось:
в хóрах архангелова хорала
бог, ограбленный, идет карать!
А улица присела и заорала:
«Идемте жрать!»
Гримируют городу Круппы и Круппики
грозящих бровей морщь,
а во рту
умерших слов разлагаются трупики,
только два живут, жирея –
«сволочь»
и еще какое-то,
кажется – «борщ».
Поэты,
размокшие в плаче и всхлипе,
бросились от улицы, ероша космы:

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

«Как двумя такими выпеть
и барышню,
и любовь,
и цветочек под росами?»
А за поэтами –
уличные тыщи:
студенты,
проститутки,
подрядчики.
Господа!
Остановитесь!
Вы не нищие,
вы не смеете просить подачки!
Нам, здоровенным,
с шагом саженным,
надо не слушать, а рвать их –
их,
присосавшихся бесплатным приложением
к каждой двуспальной кровати!
Их ли смиренно просить:
«Помоги мне!»
Молить о гимне,
об оратории!
Мы сами творцы в горящем гимне –
шуме фабрики и лаборатории.
Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном паркете!
Я знаю –
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!
Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело,
говорю вам:
мельчайшая пылинка живого
ценнее всего, что я сделаю и сделал!
Слушайте!
Проповедует,
мечась и стена,
сегодняшнего дня крикогубый Заратустра!
Мы
с лицом, как заспанная простыня,
с губами, обвисшими, как люстра,
мы,
каторжане города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу, –
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!
Плевать, что нет
у Гомеров и Овидиев
людей, как мы,
от копоты в оспе.
Я знаю –
солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!
Жилы и мускулы – молитв верней.
Нам ли вымалывать милостей времени!
Мы –
каждый –
держим в своей пятерне
миров приводные ремни!
Это взвело на Голгофы аудиторий
Петрограда, Москвы, Одессы, Киева,
и не было ни одного,
который

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
не кричал бы:
«Распни,
распни его!»
Но мне –
люди,
и те, что обидели –
вы мне всего дороже и ближе.
Видели,
как собака бьющую руку лижет?!
Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабресный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.
Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революции
грядет шестнадцатый год.
А я у вас – его предтеча;
я – где боль, везде;
на каждой капле слёзовой течи
распял себя на кресте.
Уже ничего простить нельзя.
Я выжег души, где нежность растили.
Это труднее, чем взять
тысячу тысяч Бастилий!
И когда,
приход его
мятежом оглашая,
выйдете к спасителю –
вам я
душу вытащу,
растопчу,
чтоб большая! –
и окровавленную дам, как знамя.
З
Ах, зачем это,
откуда это
в светлое весело
грязных кулачищ замах!
Пришла
и голову отчаянием занавесила
мысль о сумасшедших домах.
И –
как в гибель дредноута
от душащих спазм
бросаются в разинутый люк –
сквозь свой
до крика разодранный глаз
лез, обезумев, Бурлюк.
Почти окровавив исслезенные веки,
вылез,
встал,
пошел
и с нежностью, неожиданной в жирном человеке,
взял и сказал:
«Хорошо!»
Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!
Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»
И эту секунду,
бенгальскую,
громкую,
я ни на что б не выменял,

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

я ни на...

А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.
Как вы смеете называться поэтом
и, sereneкий, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!
Вы,
обеспокоенные мыслью одной –
«изящно пляшу ли», –
смотрите, как развлекаюсь
я –
площадной
сутенер и карточный шулер!
От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых
в столетия слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко растопыренный глаз.
Невероятно себя нарядив,
пойду по земле,
чтоб нравился и жегся,
а впереди
на цепочке Наполеона поведу, как мопса.
Вся земля поляжет женщиной,
заерзает мясами, хотя отжаться;
вещи оживут –
губы вещицы
засюсюкают:
«цаца, цаца, цаца!»
Вдруг
и тучи
и облачное прочее
подняло на небе невероятную качку,
как будто расходятся белые рабочие,
небу объявив озлобленную стачку.
Гром из-за тучи, зверея, вылез,
громадные ноздри задорно высморкал,
и небе лицо секунду кривилось
суровой гримасой железного Бисмарка.
И кто-то,
запутавшись в облачных путах,
вытянул руки к кафе –
и будто по-женски,
и нежный как будто,
и будто бы пушки лафет.
Вы думаете –
это солнце нежненько
треплет по щечке кафе?
Это опять расстрелять мятежников
грядет генерал Галифе!
Выньте, гулящие, руки из брюк –
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук –
пришел чтоб и бился лбом бы!
Идите, голодненькие,
потненькие,
покорненькие,
закишие в блохастом грязненьке!
Идите!
Понедельники и вторники
окрасим кровью в праздники!
Пускай земле под ножами припомнится,

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
кого хотела ополить!

Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!
Чтоб флаги трепались в горячке пальбы,
как у каждого порядочного праздника –
выше вздымайте, фонарные столбы,
окровавленные туши лабазников.
Изругивался,
вымаливался,
резал,
лез за кем-то
вгрызаться в бока.
На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околевая, закат.
Уже сумасшествие.
Ничего не будет.
Ночь придет,
перекусит
и съест.
Видите –
небо опять иудит
пригоршню обрызганных предательством звезд?
Пришла.
Пирует Мамаем,
задом на город насеv.
Эту ночь глазами не проломаем,
черную, как Азеф!
Ежусь, зашвырнувшись в трактирные углы,
вином обливаю душу и скатерть
и вижу:
в углу – глаза круглы, –
глазами в сердце въелась богоматерь.
Чего одаривать по шаблону намалеванному
сиянием трактирную ораву!
Видишь – опять
голгофнику оплеванному
предпочитают Варавву?
Может быть, нарочно я
в человечьем месиве
лицом никого не новей.
Я,
может быть,
самый красивый
из всех твоих сыновей.
Дай им,
заплесневшим в радости,
скорой смерти времени,
чтоб стали дети, должны подрасти,
мальчишки – отцы,
девочки – забеременели.
И новым рожденным дай обрасти
пытливой сединой волхвов,
и придут они –
и будут детей крестить
именами моих стихов.
Я, воспевающий машину и Англию,
может быть, просто,
в самом обыкновенном Евангелии
тринадцатый апостол.
И когда мой голос
похабно ухаet –
от часа к часу,
целые сутки,
может быть, Иисус Христос нюхает
моей души незабудки.

4

Мария! Мария! Мария!

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
Пусти, Мария!
Я не могу на улицах!
Не хочешь?
Ждешь,
как щеки провалятся ямкою,
попробованный всеми,
пресный,
я приду
и беззубо прошамкаю,
что сегодня я
«удивительно честный».
Мария,
видишь –
я уже начал сутулиться.
В улицах
люди жир продырявят в четырехэтажных зобах,
высунут глазки,
потертые в сорокгодовой таске, –
перехихикиваться,
что у меня в зубах
– опять! –
черствая булка вчерашней ласки.
Дождь обрыдал тротуары,
лужами сжатый жулик,
мокрый, лижет улиц забитый булыжником труп,
а на седых ресницах –
да! –
на ресницах морозных сосулек
слезы из глаз –
да! –
из опущенных глаз водосточных труб.
Всех пешеходов морда дождя обсосала,
а в экипажах лощился за жирным атлетом атлет:
лопались люди,
проевшись насквозь,
и сочились сквозь трещины сало,
мутной рекой с экипажей стекала
вместе с иссосанной булкой
жевотина старых котлет.
Мария!
Как в зажиревшее ухо втиснуть им тихое слово?
Птица
побирается песней,
поет,
голодна и звонка,
а я человек, Мария,
простой,
выхарканный чахоточной ночью в грязную руку Пресни.
Мария, хочешь такого?
Пусти, Мария!
Судорогой пальцев зажму я железное горло звонка!
Мария!
Звереют улиц выгоны.
На шее ссадиной пальцы давки.
Открой!
Больно!
Видишь – натыканы
в глаза из дамских шляп булавки!
Пустила.
Детка!
Не бойся,
что у меня на шее воловьей
потноживотые женщины мокрой горою сидят, –
это сквозь жизнь я тащу
миллионы огромных чистых любовей
и миллион миллионов маленьких грязных любят.
Не бойся,
что снова,

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
в измены ненастье,
прильну я к тысячам хорошеньких лиц, –
«любящие Маяковского!» –
да ведь это ж династия
на сердце сумасшедшего восшедших цариц.
Мария, ближе!
В раздетом бесстыдстве,
в боящейся дрожи ли,
но дай твоих губ неисцветшую прелесть:
я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.
Мария!
Поэт сонеты поет Тиане,
а я –
весь из мяса,
человек весь –
тело твое просто прошу,
как просят христиане –
«хлеб наш насущный
даждь нам днесь».
Мария – дай!
Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величием равное богу.
Тело твое
я буду беречь и любить,
как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.
Мария –
не хочешь?
Не хочешь!
Ха!
Значит – опять
темно и понуро
сердце возьму,
слезами окапав,
нести,
как собака,
которая в конуру
несет
перееханную поездом лапу.
Кровью сердца дорогу радую,
липнет цветами у пыли кителя.
Тысячу раз опляшет Иродиадой
солнце землю –
голову Крестителя.
И когда мое количество лет
выпляшет до конца –
миллионом кровинок устелется след
к дому моего отца.
Вылезу
грязный
(от ночевок в канавах),
стану бок о бок,
наклонюсь
и скажу ему на ухо:
– Послушайте, господин бог!
Как вам не скушно
в облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобревшие глаза?
Давайте – знаете –

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru

устроимте карусель
на дереве изучения добра и зла!
Вездесущий, ты будешь в каждом шкапу,
и вина такие расставим по столу,
чтоб захотелось пройтись в ки-ка-пу
хмурому Петру Апостолу.
А в рае опять поселим Евочек:
прикажи, –
сегодня ночью ж
со всех бульваров красивейших девочек
я наташу тебе.
Хочешь?
Не хочешь?
Мотаешь головою, кудластый?
Супишь седую бровь?
Ты думаешь –
этот,
за тобою, крыластый,
знает, что такое любовь?
Я тоже ангел, я был им –
сахарным барашком выглядывал в глаз,
но больше не хочу дарить кобылам
из севрской муки изваянных ваз.
Всемогущий, ты выдумал пару рук,
сделал,
что у каждого есть голова, –
отчего ты не выдумал,
чтоб было без мук
целовать, целовать, целовать?!
Я думал – ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!
Пустите!
Меня не остановите.
Вру я,
в праве ли,
но я не могу быть спокойней.
Смотрите –
звезды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!
Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!
Глухо.
Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.

[1914–1915]

Комментарии

По словам поэта, первая революционная поэма «Облако в штанах» явилась результатом «выкрепшего сознания близкой революции». Выступая 25 марта 1930 года перед комсомольцами Красной Пресни с отчетом о своей двадцатилетней деятельности, Маяковский говорил, что «Облако» «начато письмом в 1913/1914 годах, закончено в 1915 году и сначала называлось «Тринадцатый апостол». «Когда я пришел с этим произведением в цензуру, то меня спросили: «Что вы, на каторгу захотели?» Я сказал, что ни в каком случае, что это ни в коем случае меня не устраивает. Тогда мне вычеркнули шесть страниц, в том числе и заглавие. Это – вопрос о том, откуда взялось заглавие. Меня спросили – как я могу соединить лирику и большую грубость. Тогда я сказал: «Хорошо, я буду, если хотите, как бешеный, если хотите, буду самым нежным, не мужчина, а облако в штанах».

Отрывки из поэмы впервые были приведены в статье поэта «О разных Маяковских» («Журнал журналов», Пг., 1915, № 17) и в сб. «Стрелец», Пг., 1915. Отдельное издание, выпущенное в сентябре 1915 года [в Петрограде], содержало большое количество цензурных купюр. По этому поводу Маяковский писал: «Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек» («Я сам»). С меньшим цензурным искажением поэма вошла в первый сборник стихов поэта «Простое как мычание», составленный с участием М. Горького и изданный в 1916 году в руководимом им издательстве «Парус». Полностью, без купюр, поэма вышла в начале 1918 года в Москве, изд. «Асис», с предисловием Маяковского: «Облако в штанах»... считаю катехизисом сегодняшнего искусства»: «Долой вашу любовь», «Долой ваше искусство», «Долой ваш строй», «Долой вашу религию» – четыре крика четырех частей».

Первое издание «Облака в штанах» Маяковский подарил Блоку с надписью: «А. Блоку В. Маяковский расписка всегдашней любви к его слову».

«Алексею Максимовичу с любовью Вл. Маяковский» – таков автограф в книге «Облако», подаренной великому пролетарскому писателю.

О большой любви, которую питал молодой поэт к М. Горькому, свидетельствуют еще четыре автографа Маяковского на экземпляре «Флейты-позвоночника» (1916) – «Алексею Максимовичу с нежной любовью – Маяковский»; на сборнике стихов «Простое как мычание» – «Дорогому Алексею Максимовичу Маяковский»; на издании поэмы «Человек» (1918) – «Алексею Максимовичу Маяковский со всей нежностью»; на втором издании поэмы «Облако в штанах» – «Дорогому Алексею Максимовичу Маяковский».

По воспоминаниям современников, чтение Маяковским «Облака» произвело на Горького сильное впечатление. А. Тихонов (Серебров) отмечал, что Горького «поразила в поэме богоборческая струя. Он цитировал стихи из «Облака в штанах» и говорил, что такого разговора с богом он никогда не читал... и что господу богу от Маяковского здорово влетело» (ГММ).

Исследователь творчества Маяковского А. И. Колосков справедливо отмечает, что в дореволюционной художественной литературе после знаменитых горьковских «Песни о Буревестнике» и романа «Мать» «не было другого произведения, кроме «Облака в штанах», где с такой смелостью и силой был бы выражен протест против эксплуататорского капиталистического строя, провозглашен призыв к ниспровержению буржуазии и так волнующе воспета грядущая социалистическая революция. Поэма «Облако в штанах» – от пролога, резкого, как «Нате!», до заключительных строчек, проникнутых глубокой тревогой за судьбы человечества, «овеяна духом революционной борьбы, звучит призывом к борьбе» (А. Колосков. «Маяковский в борьбе за коммунизм», 2-е изд., М., изд. «Политическая литература», 1969, стр. 86).

Облако в штанах. – Кроме вышеприведенного, существует и второе объяснение Маяковским названия поэмы: «Году в тринадцатом, возвращаясь из Саратова в Москву, я в целях доказательства какой-то вагонной спутнице своей полной лояльности сказал ей, что я «не мужчина, а облако в штанах». Сказав, я сейчас же сообразил, что это может пригодиться для стиха, а вдруг это разойдется изустно и будет разбазарено зря?..

Через два года «облако в штанах» понадобилось мне для названия целой поэмы» («Как делать стихи?»).

Мария – прототип героини поэмы – Мария Александровна Денисова (1894–1944), дочь крестьян из Смоленской губернии. Знакомство Маяковского с Марией произошло в Одессе во время черноморского турне поэта.

В. Каменский писал о Марии, что это была совершенно необыкновенная девушка, в ней «сочетались высокие качества пленительной внешности и интеллектуальная устремленность ко всему новому, современному, революционному... Взволнованный, взметенный вихрем любовных переживаний, после первых свиданий с Марией, – рассказывает В. Каменский, – он влетал к нам в гостиницу таким праздничным весенним морским ветром и восторженно повторял: «Вот это девушка, вот это девушка!»... Маяковский, еще не знавший любви, впервые изведal это громадное

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru чувство, с которым не мог справиться. Охваченный «пожаром любви», он вообще не знал, как быть, что предпринять, куда деться. («Юность Маяковского», стр. 43–44).

После Октябрьской революции М. А. Денисова сражалась с врагами в рядах Первой и Второй Конной армии. Окончив в 1925 году Высшие художественно-технические мастерские, она стала активным деятелем социалистической культуры. Ее скульптурные работы – «В. И. Ленин», «Ильич», «Военком», «Поэт» (Маяковский) и др. – экспонировались на всесоюзных и международных художественных выставках (см. «Огонек», 1972, №№ 21, 22 и альманах «Поэзия», 1972, № 8).

... горящие руки «Лузитании». – Речь идет о трагедии, происшедшей с английским пассажирским пароходом, торпедированным германской подводной лодкой 7 мая 1915 года и сгоревшим в открытом море.

Заратустра – мифический основатель религии (зороастризма) в древнем Иране (Персии). У Маяковского – в нарицательном смысле – пророк, глашатай.

Лепрозорий – лечебное учреждение для больных проказой (лепрой). Маяковский в образе города-лепозория, как и Чехов в «Палате № 6», рисует царскую Россию – тюрьму народов, в которую царские сатрапы хотели бы упрятать все подлинно революционное, заточить, как в палату для сумасшедших, здоровых физически и нравственно людей труда, которые «чище венецианского лазорья, морями и солнцами омытого сразу».

...Голгофы аудитории... – Речь идет о поездках Маяковского по городам России в конце 1913 – начале 1914 года и восприятию его выступлений буржуазно-мещанской публикой. Голгофа – холм в окрестностях Иерусалима, на котором был распят Иисус Христос.

«Пейте какао Ван Гутена!» – По сообщениям газет, приговоренный к смерти согласился крикнуть перед казнью эти слова, за что фирма Ван Гутен обещала большое вознаграждение семье казненного.

Бисмарк (1813–1898) – германский государственный деятель, который «железом и кровью» объединил отдельные княжества в помещичье-буржуазную Германскую империю. Бисмарк способствовал развязыванию русско-турецкой войны 1877–1878 гг... во время которой погиб и дед Маяковского по материнской линии А. И. Павленко.

Галифе, Гастон (1830–1909) – французский генерал, жестоко расправившийся с революционерами Парижской коммуны.

...берите камень, нож или бомбу... – Этот призыв к организации революционных отрядов был выражен В. И. Лениным в 1905 году в статье «От обороны к нападению» (Полн. собр. соч., т. 11, стр. 268–271).

Ротшильд – фамилия представителей мировой финансовой олигархии. Семья Ротшильдов играла важнейшую международную роль, контролируя промышленность и финансируя войны.

Азеф, Е. Ф. (1869–1918) – один из организаторов и руководителей партии эсеров, гнусный провокатор, служивший в царской полиции с 1892 года. По доносам Азефа были казнены, сосланы на каторгу и брошены в застенки царских тюрем сотни борцов за свободу. Имя Азефа – синоним самого подлого предательства.

...голгофнику оплеванному предпочитают Варавву.. – По христианскому преданию, иудеи требовали помилования разбойника Вараввы и казни Христа: «Распни, распни

Облако в штанах. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru его!» У Маяковского – буржуазная толпа предпочитает руганью и клеветой казнить «оплеванного» глашатая, «предтечу революции» и выразителя народной боли – «тринадцатого апостола», отвергающего буржуазный строй, его искусство и верную служанку капитализма – религию.

Поэт сонеты поет Тиане... – Тиана – женское имя из стихотворений Игоря Северянина.

Тысячу раз опляшет Иродиадой солнце землю – голову Крестителя. – По евангельскому преданию, вокруг блюда с головой казненного Иоанна Крестителя танцевала Саломея, дочь Иродиады. Маяковский использует народный пересказ легенды (апокриф), в котором пляшет сама Иродиада.

Ки-ка-пу – модный в то время танец.
В. Макаров.

Примечания

1 «Ничто» (лат.).

2 Такси (франц.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!